

Ники Кеннеди.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Первое: могло быть и хуже. Да, сообщение могло быть гораздо хуже, и об этом следует помнить. Второе: оно того стоит. Я *хочу* жить в Лондоне, *хочу* здесь работать, а сообщение — часть сделки. Это неотъемлемая часть Лондона, как Тейт Модерн.

(На самом деле ничего похожего на Тейт Модерн. Неудачный пример.)

Мой папа всегда говорит: если ты не можешь бежать вместе с большими собаками, сиди у крыльца. А я хочу бежать вместе с большими собаками — и поэтому я здесь.

В любом случае я даже получаю удовольствие от двадцатиминутной прогулки к станции. Серый декабрьский воздух колом стоит в горле, но мне хорошо. День начался. Я в пути.

Мое пальто достаточно теплое, хотя оно стоит всего 2,99 фунта и куплено на блошином рынке. На нем был ярлык «КРИСТИН БИОР», но я срезала его, как только вернулась домой. Там, где я работаю, нельзя носить пальто с ярлыком «Кристин Биор». У вас должен быть винтажный ярлык «Кристиан Диор» или что-нибудь японское. Ярлыка может и не быть, если вы сами шьете себе одежду из ретротканей, купленных в «Алфиз Антикс».

Но только *не* «КРИСТИН БИОР»!

Когда я приближаюсь к Кэтфорд-Бридж, то начинаю напрягаться. Я *действительно* не хочу сегодня опаздывать. Мой босс теперь отпускает колкие замечания насчет людей, которые «никогда не торопятся». Поэтому я вышла на двадцать минут раньше — на случай, если выдастся плохой день.

И я уже понимаю: день просто ужасный.

В последнее время с нашей линией много проблем, и то и дело без предупреждения отменяют поезда. Беда в том, что в Лондоне в час пик нельзя просто так *отменять поезда*. Что остается делать людям, которые планировали сесть на этот поезд? Испариться?

Проходя через автомат, сразу вижу ответ. Люди толпятся на платформе, поглядывая на табло с информацией и бросая друг на друга враждебные взгляды.

О боже! Наверное, отменили по крайней мере два поезда. Похоже, набралось народу на целых три поезда и вся эта толпа сгрудилась у края платформы. Сейчас середина декабря, но здесь и не пахнет Рождеством. Все слишком напряженные и замерзшие, и на них как бы написано крупными буквами: «Понедельник». Единственные праздничные штрихи — это жалкие китайские фонарики и объявления на стене о работе транспорта в рождественские каникулы.

Собравшись с духом, присоединяюсь к толпе и, когда на станции появляется поезд, с облегчением вздыхаю. Не то чтобы я надеялась *сесть* в этот поезд. (Сесть в первый поезд? Не смешите меня!) К запотевшим окнам прижаты изнутри лица людей, а когда двери открываются, выходит всего одна женщина, изрядно помятая.

Но, несмотря на это, толпа бросается вперед. Каким-то образом часть людей втискиваются в поезд, и тот отъезжает. Я немного продвинулась вперед на платформе. Теперь мне только нужно удерживать свои позиции и ни в коем случае не позволять этому тощему парню с волосами, смазанными гелем, пролезть передо мной. Я вынула из ушей наушники, чтобы слушать объявления, и стою насмерть.

В лондонском транспорте — как на войне. Это постоянная борьба за захват территории, за каждый дюйм. Здесь ни на минуту нельзя расслабляться: если расслабишься, кто-нибудь прошмыгнет мимо тебя. Или наступит *на* тебя.

Ровно через одиннадцать минут подходит второй поезд. Я устремляюсь вперед вместе с толпой, стараясь не обращать внимания на саундтрек из сердитых возгласов: «Вы можете пройти вперед?», «Внутри есть место!», «Нужно всего лишь пройти вперед!»

Я заметила, что у людей внутри поезда совершенно другое выражение лица, чем у тех, кто на платформе. Особенно у тех, кому удалось занять сидячее место. Они словно перевалили через горы в Швейцарию. У них виноватый взгляд, но в нем читается вызов: *«Я знаю, что вы там, снаружи; я знаю, что это ужасно, — а я уютно устроился внутри. Но я тоже страдал, так что дайте мне спокойно, без этих чертовых угрызений совести, читать мой Kindle, о'кей?»*

Толпа волнуется, и вдруг кто-то подталкивает меня. Я чувствую у себя на спине пальцы — и вдруг ступаю на пол вагона. Теперь мне нужно ухватиться за какую-нибудь железяку и использовать ее в качестве рычага. Как только ты одной ногой в поезде — считай, что уже внутри.

Мужчина у меня за спиной, по-видимому, очень сердит: я слышу, как он громко ругается. И вдруг позади меня прокатывается что-то вроде людского цунами. Я испытала это всего пару раз, и это было ужасно. Меня тащит вперед, и я не касаюсь ногами пола. Когда двери поезда закрываются, я оказываюсь втиснутой между двумя парнями — один в костюме, второй в трексьюте¹ — и девушкой, которая ест панини.

Нас так плотно прижало, что девица держит панини примерно в двух дюймах от моего лица. Каждый раз, как она откусывает, мне в нос ударяет запах песто. Но я старательно не обращаю внимания. И на девушку. И на двоих мужчин. Хотя я чувствую теплое бедро парня в трексьюте и могу сосчитать жесткие волоски у него на шее. Когда поезд приходит в движение, нас постоянно стучает друг о друга. Но никто не смотрит в глаза друг другу. Я думаю, если в метро на кого-нибудь посмотришь, то вызовут полицию.

Чтобы отвлечься, пытаюсь спланировать остаток своего маршрута. Когда я прибуду на Ватерлоо-Ист, нужно выбирать между Джубили-Дистрикт (на это уйдет сто лет), Джубили-Сентрал (придется долго идти от метро) и Оверграунд (еще дальше).

Да, если бы я только *знала*, что в конечном счете буду работать в Чизвике, то не стала бы снимать квартиру в Кэтфорде. Но я

---

¹ Специальный костюм для парашютного спорта. — *Здесь и далее прим. пер.*

приехала в Лондон на стажировку в его восточной части. (В объявлении это место назвали «Шордич», но это не Шордич.) В Кэ-тфорде низкие цены, и он расположен не слишком далеко. А теперь мне просто не по карману цены западной части Лондона, да и сообщение не *такое* уж плохое...

— Ай! — вскрикиваю я, когда поезд резко дергается.

Меня швыряет вперед. Девушку тоже швыряет, и не успеваю я оглянуться, как в мой открытый рот попадает конец ее панини.

Я в таком шоке, что никак не могу прийти в себя. У меня во рту полно теплого рыхлого теста и подтаявшей моцареллы. Как же такое могло произойти?

Мои зубы инстинктивно сжимаются, и я тут же жалею об этом. Хотя... Что же мне еще оставалось делать? С полным ртом смотреть на нее.

— Простите, — бормочу я, но выходит «потите».

— Какого черта? — обращается к вагону девушка, не веря своим глазам. — Она же ворует мой завтрак!

Я вся покрываюсь испариной. Это плохо. *Плохо*. Что же мне теперь делать? Откусить от панини? (Нехорошо.) Просто выпустить изо рта? (Еще хуже.) Из этой ситуации нет никакого выхода.

Наконец я откусываю кусок от панини, и мое лицо горит от смущения. Рот набит чужим клейким хлебом, и мне приходится жевать под взглядами всего вагона.

— Мне действительно жаль, — неловко извиняюсь я перед девушкой, как только удастся проглотить злосчастный кусок. — Надеюсь, вы с удовольствием съедите остальное.

— *Теперь* он мне не нужен. — Она злобно смотрит на меня. — На нем теперь ваши микробы.

— Ну, мне ваши микробы тоже не нужны! Моей вины тут нет: я просто упала на панини.

— Ах, вы *упали!* — повторяет она со скептическим видом.

— Да, конечно! А вы вообразили, что я сделала это *нарочно?*

— Кто знает? — Она заслоняет рукой панини, словно я могу броситься и откусить еще один кусок. — В Лондоне полно всяких странных людей.

— Я не странная!

— Можешь упасть на *меня*, дорогая, — с ухмылкой предлагает парень в трексьюте. — Только не жуй, — добавляет он, и весь вагон хохочет.

Я заливаюсь краской, но не собираюсь реагировать. Фактически инцидент исчерпан.

Следующие пятнадцать минут я сурово смотрю прямо перед собой, замурававшись в своем маленьком замкнутом мирке. На Ватерлоо-Ист все мы вываливаемся из поезда, и я с облегчением вдыхаю холодный дымный воздух. Быстрым шагом направляюсь к метро, выбрав Джубили-Дистрикт. В дверях я присоединяюсь к толпе и, бросив взгляд на часы, тяжело вздыхаю. Я добираюсь уже сорок пять минут, но до места назначения еще далеко.

Когда кто-то наступает мне на ногу острым каблуком, передо мной вдруг возникает картинка из прошлого. Я вижу, как папа открывает дверь нашей кухни, выходит во двор, широко раскидывает руки, словно обнимая поля и бескрайнее небо, и говорит: «Самое быстрое сообщение в мире, дорогая. Да, самое быстрое сообщение в мире». Когда я была маленькой, то не знала, что он имеет в виду, но теперь...

— Проходите! Вы будете проходить *вперед*? — Мужчина у меня за спиной орет так оглушительно, что я вздрагиваю.

Состав прибыл, и, как обычно, начинается борьба между теми, кто внутри вагона, и теми, кто снаружи. Первые полагают, что он полностью забит, а последние прикидывают опытным взглядом, что в вагон легко могут войти еще человек двадцать.

Наконец я влезаю в вагон, а потом с боем выхожу у Вестминстер. Там жду поезда линии Дистрикт и медленно тащусь в нем до Тэрнхем-Грин.

Выйдя из метро, я смотрю на часы и пускаюсь бегом. Черт возьми! У меня меньше десяти минут.

Наш офис — большое светлое здание под названием Филлимор-Хаус. Ближе к цели перехожу на шаг, но сердце все еще бешено колотится. Я натерла мозоль на левой пятке, но главное — я это сделала! Я пришла вовремя. Как по волшебству, лифт ждет, и я вхожу в него, пытаюсь пригладить волосы. Они растрепались, когда я неслась как сумасшедшая по Чизвик-Хай-Роуд. В целом на дорогу ушло час двадцать минут. А могло быть хуже...

— Подождите!

При звуках этого властного голоса я холодею. Через вестибюль шагает знакомая фигура. Длинные ноги, сапоги на высоком каблуке, байкерская курточка и короткая оранжевая юбка. И сразу же одежда на всех остальных в лифте становится старой и убогой. Особенно моя черная юбка-джерси за 8,99 фунта.

У нее изумительные брови. Некоторым людям от рождения даны изумительные брови, и она одна из них.

— Кошмарная дорога, — говорит она, входя в лифт. У нее хрипловатый поставленный голос, в котором звучит медь. С таким голосом не тратят время на пустяки. Она тыкает наманикюренным пальчиком в кнопку с номером этажа, и мы начинаем подъем. — На перекрестке Чизвик-лейн красный горел целую вечность. У меня ушло двадцать пять минут на то, чтобы добраться сюда из дома. *Двадцать пять минут!*

У нее взгляд орла, который собирается спикировать на жертву, и до меня доходит, что она ждет ответа.

— О, — произношу я слабым голосом. — Вам не повезло.

Двери лифта открываются, и она выходит. Я слеую за ней, созерцая ее идеальную прическу и вдыхая аромат духов (сделанных для нее по заказу в фирме «Анник Гуталь» в Париже, где она отмечала пятилетнюю годовщину свадьбы).

Это мой босс. Это Деметра. Женщина, у которой идеальная жизнь.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что у Деметры идеальная жизнь. Поверьте мне — это правда. *У нее есть все, чего можно хотеть от жизни.* Работа, семья, крутость во всем. Все тип-топ. И даже имя. Оно такое особенное, что ей не нужно утруждаться, называя фамилию (Фарлоу). Она просто *Деметра*. Как *Мадонна*. «Привет! — говорит она по телефону своим поставленным голосом. — Это Де-ееее-тра».

Ей сорок пять, и уже больше года она занимает должность исполнительного креативного директора в «Купер Клеммоу». «Купер Клеммоу» — брендинговое агентство. У нас есть несколько довольно крупных клиентов. В кабинете Деметры полно наград и фотографий в рамках, на которых она запечатлена вместе со

знаменитостями. Имеется здесь и выставка продукции, для которой она создавала бренды.

Это высокая, стройная брюнетка с блестящими волосами и, как я уже упоминала, изумительными бровями. Я не знаю, сколько Деметра зарабатывает, но она живет в Шепардз-Буш, в потрясающем доме, за который явно заплатила больше двух миллионов (как поведала мне моя подруга Флора).

Флора также рассказала, что Деметра привезла из Франции дубовый паркет для своей гостиной, который стоил *целое состояние*. Флора ближе всех ко мне по должности: она криейтор. А еще она неиссякаемый источник сплетен о Деметре.

Однажды я даже пошла посмотреть на дом Деметры — просто случайно оказалась в этом районе. Я знала адрес — так почему же не взглянуть на дом босса? (О'кей, а теперь начистоту: я знала только название улицы. Номер дома я погуглила, когда там оказалась.)

Конечно, он удручающе хорош. Выглядит как дом из журнала. И это *действительно* дом из журнала. Его фотографию напечатали в «Livingetc». Был там и снимок самой Деметры: она стоит в своей белоснежной кухне, элегантная и креативная, в блузке из ретроситца.

Я немного постояла, рассматривая дом. Не то чтобы я завидовала — скорее задумалась. Это была задумчивость, смешанная с легкой печалью. Парадная дверь изысканного серовато-зеленого оттенка — несомненно, «Фарроу энд Болл» либо «Литл Грин». Дверной молоток в старинном стиле, в форме львиной головы, и элегантные светло-серые ступени, ведущие к парадной двери. Все остальное тоже весьма впечатляет: крашенные оконные рамы и модные жалюзи, а в саду — деревянный дом на дереве. Но меня заворожили именно парадная дверь и ступени. Только вообразите: спускаться каждый день по красивой каменной лестнице, как принцесса из сказки. Как изумительно начиналось бы каждое утро!

Во дворе перед домом — два блестящих новеньких автомобиля: серый «Ауди» и черный «Вольво SUV». Все, что принадлежит Деметре, либо блестящее, новенькое и «в тренде» (дизайнерская соковыжималка), либо старинное, подлинное и опять же «в тренде»

(старинное деревянное ожерелье, которое она привезла из Южной Африки). Пожалуй, «подлинный» — самое любимое слово Деметры: она использует его примерно тридцать раз в день.

Конечно, Деметра замужем, и, *конечно*, у нее двое детей: мальчик по имени Хэл и девочка по имени Коко. У нее миллион друзей, которых она знает «целую вечность». Она постоянно бывает на вечеринках, разных мероприятиях и на присуждении премий за дизайн. Порой она вздыхает и говорит, что это у нее третий выход в свет за неделю. И восклицает: «Это бесконечное обжорство — сущее наказание!» — переобуваясь в туфли от «Миу-Миу». (Я выбрасываю в мусорный контейнер множество упаковок Деметры, так что по ярлыкам вижу, одежду каких фирм она носит. «Миу-Миу». «Марни». «Дрис ван Нотен». И много вещей от «Зара».) А потом у нее загораются глаза — и не успеешь оглянуться, как ее фотографии уже в фейсбуке, на странице «Купер Клеммоу», и в твиттере, и повсюду: Деметра в крутом черном топе (вероятно, «Хельмут Ланг» — его она тоже любит), сияющая, идеальная, с бокалом вина в руке, в обществе знаменитых дизайнеров.

Не думайте, что я *завидую*. Разве что чуть-чуть. Я не хочу быть Деметрой. Мне не нужны ее вещи. Ведь мне всего двадцать шесть лет — что бы я стала делать с «Вольво SUV»?

Но когда я смотрю на нее, то чувствую что-то вроде булавочного укола... И думаю: а могла бы это быть я? Когда-нибудь? Если я заработаю достаточно денег, будет ли у меня такая жизнь, как у Деметры? И дело не только в вещах, но и в уверенности. Стиль. Утонченность. Связи. Даже если бы у меня ушло на это двадцать лет, я бы не возражала. Я была бы в экстазе! Скажи мне кто-нибудь: «Если ты будешь упорно трудиться, то через двадцать лет будешь жить так же», — я бы моментально взяла старт и рванула вперед.

Однако это невозможно. Этого не будет никогда. Говорят о карьерной лестнице, но нет такой лестницы, которая привела бы меня в жизнь Деметры, как бы упорно я ни трудилась.

Я имею в виду два миллиона за дом.

Два миллиона!

Однажды я подсчитала. Предположим, банк даст мне в кредит эту сумму (разумеется, ничего подобного они не сделают). При

моей нынешней зарплате, чтобы вернуть кредит, мне понадобится 193,4 года (и, знаете ли, нужно еще дожить).

Когда это число появилось на экране калькулятора, я громко рассмеялась. Несколько истерическим смехом. Люди говорят о разрыве поколений, но скорее это пропасть. Большой каньон поколений. И нет такой лестницы, которая привела бы меня в жизнь Деметры. Разве что случится что-то экстраординарное: выигрыш в лотерее, или наследство от богатых родственников, или какая-нибудь гениальная идея, на которой я заработаю состояние. (Не думайте, что я не пытаюсь. Каждый вечер я провожу в попытках изобрести новый тип бюстгальтера или низкокалорийную карамель. Однако пока что ничего не выходит.)

Итак, я не могу сделать своей целью жизнь Деметры. Но можно взять из нее все, что можно. Я буду наблюдать за Деметрой, изучать ее, стараться стать на нее похожей.

А также стараться *не стать* на нее похожей.

Потому что — разве я об этом не упоминала? — она просто какой-то кошмар. Она идеальна — *и* в то же время она кошмар. И то и другое.

Я как раз включаю свой компьютер, когда Деметра входит в наш опенспейс, прихлебывая соевый латте.

— Люди! — говорит она. — Люди, послушайте.

Это еще одно любимое слово Деметры: «люди». Она входит в нашу комнату, говорит «Люди!» театральным голосом — и мы все отрываемся от своих дел, ожидая важного объявления. А *на самом деле* ей нужно что-то такое, что знает только один из нас. Но, поскольку она вряд ли помнит, кто из нас чем занимается и даже как нас зовут, ей приходится обращаться ко всем.

Ладно, я слегка преувеличиваю. Но не очень сильно. Я никогда не встречала людей с такой ужасной памятью на имена, как у Деметры. Флора однажды сказала, что у Деметры действительно проблема: она не узнаёт лица, но не хочет признать этот факт. Считает, что это не отражается на ее работе.

Еще как отражается!

И еще одно. Пусть она не узнаёт лица, но уж помнить имена она может? Я здесь семь месяцев, и клянусь, что она все еще не знает, как меня зовут: Кэт или Кейт.